

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.17

Творческая личность писателя и динамика интеллектуальной культуры

Ю. С. СЕРЕНКОВ

СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Критерии, выведенные в публикациях аналитиков и создателей конструкта «интеллектуал» в современной социологии и истории культуры США (Р. Хофстедер, Дж. Нэш и др.), произвольны либо имеют элитарный характер. Тем не менее осмысление наработок современного политолога К. Робина вкупе с идеями, почерпнутыми из «Тюремных тетрадей» А. Грамши, позволяет предложить жизнеспособную модель общественного интеллектуала, которая применима не только к ученым, людям искусства и создателям большой литературы, но и писателям формульно-жанровой ориентации. Мы идем к культурологическому видению жизни и творчества американского писателя Р. Брэдбери, начинаем создавать аргументативную базу для исследования творческой личности писателя как фактора динамики интеллектуальной культуры.

Статья подготовлена на основе доклада автора на Общероссийской (национальной) научной конференции «III Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова “Тезаурусы и проблемы культуры”», которая прошла 4 апреля 2019 г. в Московском гуманитарном университете.

Ключевые слова: интеллектуальная культура; интеллектуал; независимое мышление; творческая личность; формульная литература; социология литературы; Рэй Брэдбери

ВВЕДЕНИЕ

Достижения в исследовательской области, получившей название Intellectual History, имеют достаточно широкую огласку в англоязычных исследованиях о современной культуре. Нередки ссылки на работы историков, философов, социологов, в которых были определены основные направления научного поиска и анализа в области интеллектуальной истории. Наиболее значимыми представляются тематические сборники статей под редакцией Д. Холлинджера и Ч. Кэппера (Hollinger, Capper, 2011), Дж. Хэслама и Дж. Фэфлака (Haslam, Faflak, 2013). В них дается широкий обзор проблем, решаемых историками интеллекта, они служат площадкой для обсуждения вопросов методологии изучения интеллектуальной культуры. Существуют и фундаментальные монографические исследования, подобные «Антиинтеллектуализму в Америке» Р. Хофстедера (Hofstadter, 1963), «Последним интеллектуалам» Р. Джейкоби (Jacoby, 1987), «Веку противоречий» Г. Брика (Brick, 2000).

Тем не менее в названных исследованиях писательский труд не рассматривается в терминах интеллектуальной деятельности. Импактность писательского труда почти не анализируется в связи с такими процессами, как возникновение интеллектуальных вкусов, предпочтений и притязаний в социуме, появление нюансов этического мироощущения в интеллектуальных культурах и субкультурах, что видится парадоксальным носителям русской культуры — культуры, которую принято считать литературоцентричной. Поэтому поворот к видению писательского труда как фактора динамических процессов внутри интеллектуальной культуры нации представляется актуальным и своевременным.

Обращение к личности и творчеству американского писателя Рэя Брэдбери (1920–2012) при этом не случайно. Творчество Брэдбери уже в 70-е гг. прошлого века стало одним из факторов интеллектуального движения в СССР, направленного против лжи в средствах массовой информации. Роман «451° по Фаренгейту» стал своего

рода библией тех немногих, кто отказывался смотреть телевизор. Можно предположить, что ценностно-философский комплекс многих российских интеллектуалов советской поры оформлялся, в том числе, под влиянием художественной позиции Брэдбери в отношении свободы творчества, научного прогресса и культурного наследия прошлого (Пальцев, 2004: 271–273).

СУБЪЕКТ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Помимо легендотворческих публикаций о Рэе Брэдбери, основанных на многих ставших к определенному моменту записными фактах о непреложности трудового этоса в его жизни, непоколебимом консерватизме, сочетавшемся с беспрецедентной прозорливостью, за чертой рубежа тысячелетий обозначилась новая линия исследования феномена Брэдбери. Эту линию можно условно назвать культурологической. Брэдбери интересует исследователей, подобных Дж. Эллеру, У. Таупонсу, С. Аггелису, И. Читти, в первую очередь как субъект американской и общечеловеческой культуры, чья способность видеть больше, чем видят современники, не способные преодолеть барьер избыточной информации, — «итог личностного развития по всем его направлениям, которые, соединяясь вместе, порождают действительную глубину понимания» (Луков В., Луков Вл., 2013: 258).

В свете публикаций этой линии культуру США в тот ее период, который ассоциируется с холодной войной, можно представить точкой, в которой начинает контурно просматриваться взаимодействие Брэдбери как с общественным мнением, так и с культурой американской повседневности, миром дома и ассоциируемых с домом ценностей.

При этом исследователи разных академических платформ сходятся во мнении по поводу впечатляющего тематического тезауруса Брэдбери, его разносторонней эрудиции за пределами литературы как ремесла и, соответственно, способности Брэдбери к осмысленному публичному высказыванию. Наследие Брэдбери включает огромное количество интервью, многие выступления на радио, тысячи заметок, опубликованных в журналах и газетах. Окончив общеобразовательную школу в 1938 г., Брэдбери продолжил самообразование в стенах библиотеки, одновременно занимаясь интенсивным писательским трудом. Библиотека заменила Брэдбери колледж: «Библиотека была центром моей жизни. Я так и не поступил в колледж <...>Посещение библиотеки было для меня обязательным, я проводил в библиотеке три или четыре рабочих дня в неделю на протяжении десяти лет, и стал выпускником библиотеки, когда мне исполнилось 28» (About Ray Bradbury, 2000: Электронный ресурс; здесь и далее, кроме особо обозначенного, перевод наш. — Ю. С.).

Многие бы оспурили правомочность такой ученой степени. Но дело в том, что самообразование Брэдбери — о чем свидетельствуют нагруженные политическими, историческими, культурологическими, психоаналитическими, естественно-научными и иными референциями художественные тексты писателя, — было феноменально экспансивным и в определенном смысле могло соперничать с элитарным образованием. Добавим — с элитарным образованием в распространенном идеализированном представлении о нем. Такое представление анализируется в новаторском и смелом для своего периода исследовании историка американской культуры Р. Хофстедера (Hofstadter, 1963: 13–19).

Можно тем не менее предположить, что Брэдбери как потребитель и производитель книг удачно вписывался в культуру среднего класса (middle-brow culture), черты

которой историк медиа Б. Льюи воссоздает в статье «Управляй обществом мягко»: научно-популярные книги в 1950-е годы»: «...аудитория умна, образованна и имеет привычку искать знания в книгах; дайте им умные, хорошо написанные книги о новых вещах, книги, несущие знания о важных областях человеческого опыта, книги, которые несут интеллектуальный вызов» (Luey, 1999: 219).

Обратимся к предмету интеллектуальной культуры как таковому, попробуем определить, что правомерно, а что спорно в разговорах о популярных писателях как значимой силе в интеллектуальной культуре отдельно взятой страны. Следует сразу сказать, что усилия ряда историков, культурологов, социологов, политологов (в том числе тех, кто связан с обществом интеллектуальной истории США, Society for United States Intellectual History) были так или иначе направлены на исследование роли не только научно-популярной литературы, но и *научной фантастики* и *фэнтези* в американском обществе. При этом форма исследований, как правило, не является академической, стиль изложения неформален, язык печатных и публикуемых в Сети работ перегружен жаргоном, понятным достаточно узкому кругу специалистов. Существуют комментарии о «Звездных войнах», «Стар-Треке», «Докторе Ху», есть даже несколько постов, в которых упоминается Брэдбери. Подобные материалы пишутся энтузиастами, людьми, увлеченными предметом. Но для глубокого исследования предмета важны формальные академические исследования, опирающиеся на теоретическую базу, использующие определенный научный аппарат. Таких исследований, по сути, нет. Если поинтересоваться программами конференций общества интеллектуальной истории США, прошедших в последнее 10 лет, то можно увидеть, что лишь один круглый стол на одной из девяти национальных конференций действительно связан с этой темой. Это панельная дискуссия, проведенная в 2011 г. на тему «Наука, повествование и интеллектуальный авторитет в Америке времен холодной войны»¹.

Есть исключения, в частности исследование Л. Дейл Фельдман «Космические корабли и политика: политическая теория Рода Серлинга» (2010). Но эта книга, возможно, единственная. Соответственно, не представляется опереться на добротные монографии либо сборники материалов квалифицированных исследователей. Что касается англоязычных журналов, посвященных интеллектуальной истории (Modern Intellectual History, Intellectual History Review, The Journal of Global Intellectual History), то Рэй Брэдбери в них еще не был упомянут.

Когда в 2004 г. вышла монография Дж. Эллера и У. Таупонса «Рэй Брэдбери: жизнь, исполненная вымысла», она, как принято, была прочитана рядом коллег-ученых. Вскоре проф. А. Таормина опубликовала обзор в журнале *Utopian Studies*. В нем было сказано: «Несмотря на то что очередная попытка создать хронику жизни и творчества Брэдбери как автора художественной литературы (обширная карьера Брэдбери как драматурга, и кино- и телесценариста упоминается только мимоходом) вызывает восхищение, обсуждение происходит на языке, который перегружен теоретико-литературным жаргоном» (Taormina, 2005: 477). Но любопытно дальнейшее развитие обозревателем мысли о сложности и закрытости языка исследования Эллера и Таупонса. Она считает, что обсуждение предмета, нагруженное постоянными ссылками на критические теории, «производит впечатление попытки авторов убедить читателя, что Брэдбери заслуживает признания — сверх его баснословно-репутации — и как автор *литературных* (курсив наш. — Ю. С.) произведений» (там же: 478). Как представляется, согласиться с заявлением А. Таормина означало бы предположить, что исследовать творчество Брэдбери за чертой анализа эле-

ментов фантастического в его произведениях — дело неблагодарное. Но именно таким делом мы и попытаемся заняться. Предлагается взглянуть на феномен Брэдбери с позиции смыслов, которые скрывают англоязычные клише *intellectual culture*, *public intellectual*.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

С этой целью предлагается задействовать две модели интеллектуализма. Одну из них предложил А. Грамши, а другую — К. Робин. Грамши писал о требованиях, которым должно удовлетворять каждое культурное движение, «стремящееся заменить обыденное сознание и старые мировоззрения вообще» (Грамши, 1991: 17). Он указывал на неизбежный труд лидеров и членов движения, нацеленный на обработку аморфного элемента массы в направлении индивидуализации, вследствие которой к жизни придут «интеллектуальные элиты нового типа, которые вырастали бы непосредственно из массы, оставаясь при этом в контакте с массой, с тем чтобы стать для нее тем же, что китовый ус для корсета» (там же).

Формулируя свое видение интеллектуального на материале европейского общественного окружения, Грамши далее в «Тюремных тетрадах» очерчивает разнородные установки так называемых органических интеллектуалов и институциональных интеллектуалов (Gramsci, 1971: 131–161). Дихотомия дает возможность анализировать отношения между интеллектуалами и обществом. *Органические интеллектуалы* поднимаются из масс; их голос — голос людей, способных понять окружающий мир естественным, подчас интуитивным образом. Органические интеллектуалы самокритичны, они осознают изъяны своего мировидения. Не будучи частью элиты в классовом смысле, они тем не менее ищут возможность получить образование того качества, которое приличествовало бы представителям элиты. *Институциональные интеллектуалы* обретают авторитет благодаря образованию и профессиональной подготовке, полученной в университетах и в процессе трудовой деятельности, сопряженной с регламентом высоких должностей, которые они без труда занимают. Деятельность интеллектуалов от элиты нередко причастна формированию общественного мнения по вопросам экономики, политики и социальных проблем. Они, по сути, и создают тот контекст актуального, который определяет смыслы человеческих поступков, решений, выборов и практик, т. е. культурные смыслы происходящего в обществе.

Грамши достаточно критично настроен по отношению к последней группе. Не отрицая того, что и среди институциональных интеллектуалов встречаются талантливые художники, философы, литераторы и журналисты, Грамши упрекает институциональных интеллектуалов за унаследованное, по сути, интеллектуальное превосходство, которым они, конечно же, пользуются. Однако Грамши не отрицает права как органического, так и институционального интеллектуала «участвовать в разработке определенной концепции мира, осознанно выстраивать линию нравственного видения и, следовательно, вносить вклад в поддержание существующей концепции мира либо в ее изменение, искать пути создания новых способов мышления» (Gramsci, 1971: 136).

Представляется, что роль интеллектуала, подобного Брэдбери, отлична как от роли органических интеллектуалов, так и от роли интеллектуалов институциональных. Способность Брэдбери писать и публиковать, т. е. производить материал для общественного потребления, обеспечивает готовую институциональную платформу для того, чтобы выражать собственные интеллектуальные наклонности. Будучи представителем доминирующей демографической группы в американской общественной поли-

тике того времени (белый мужчина, принадлежащий среднему классу), Брэдбери с наибольшей вероятностью избежал бы противодействия коммерческого либо политического порядка. Неформальное образование Брэдбери и та самобытная литературная форма, которую *он сам*, по сути, создает в процессе борьбы (точнее — творческой деконструкции) формульных жанров «строгой» научной фантастики, фэнтези, литературы ужаса, детектива, автобиографии, «голливудского романа» (Серенков, 1996: 5–18), подтолкнули его к независимой гуманистической критике американского общества и политики. Кроме того, неучастие Брэдбери в функционировании интеллектуальных сообществ, доступных только для обучающихся в элитарных университетах и колледжах и их выпускников, приводит к тому, что писатель смещается в сторону органической категории интеллектуалов.

Если воспользоваться еще одной моделью интеллектуализма, также предложенной А. Грамши, но расширенной и доработанной историком Т. Дж. Дж. Лирсом, творческая деятельность Брэдбери ставит его в положение культурного деятеля, чья роль заключалась в том, чтобы «помочь определить границы “реальности” с точки зрения здравого смысла» (Lears, 1985: 572). В начальный период холодной войны происходило дискурсивное оформление доминирующего направления мысли, призванного организовать американское общество. Американский капиталистический либерализм был и определяющим условием, и составной частью этого направления. Брэдбери тем не менее говорил на другом языке. Этот язык не удовлетворял ни дефиниции либерального мировоззрения, ни (в полной мере) дефиниции консервативного, а временами просто противоречил как одной, так и другой. Если одна из обозначенных групп уличила бы Брэдбери в непоследовательности, он всегда был в состоянии защитить себя, указав на основные принципы, которыми глубинно руководствовался и которым не изменял. Брэдбери был независим, и его независимость дееспособного образованного индивида предполагала самодостаточность в экономическом, моральном и физическом плане.

Но рассмотрим Брэдбери на фоне еще одной модели интеллектуализма, модели, предложенной К. Робинсом. Эта модель, как представляется, позволяет увидеть в творческой позе Брэдбери черты *общественного интеллектуала*. Теоретические построения профессора политологии в Бруклинском колледже Нью-Йоркского университета, автора ряда работ, посвященных роли общественной интеллигенции в истории США, уместны именно в случае с Брэдбери потому, что между первым продуктивным периодом творчества писателя (конец 1940-х — начало 1950-х годов) и временем всеобщего признания его заслуг, как и роли важного и самобытного голоса в американской интеллектуальной истории, прошло порядка полувека. Один из основных аргументов Робина состоит в том, что к общественным интеллектуалам, какими многие их себе представляют, предъявляются определенные пороговые требования, и лишь удовлетворив им, интеллектуалы могут таковыми считаться. Они должны располагать знаниями из области общественных наук, должны быть способны применить теоретическое видение к культурной повседневности того общества, в котором живут и работают, понять присущие именно этому обществу проблемы и увидеть пределы его возможностей. Общественные интеллектуалы должны ориентироваться в общественных нормах, связывая их с общественной и общечеловеческой «совесью». Наконец, у них должно доставать мужества на то, чтобы предпринять усилия по улучшению окружающего мира, даже если это сопряжено с трудностями и опасностью (Robin, 2015: Электронный ресурс).

Увязав знания, суждения и мужество воедино и направив их в желаемое русло, общественные интеллектуалы становятся, по словам Робина, «голосами нравственности и политическими акторами» (там же). Подобная совокупность талантов позволяет общественным интеллектуалам сначала облечь в слова, а позже попытаться продвинуть собственную систему ценностей в среде идейного диалога. Далее Робин говорит об особо важной роли аудитории общественных интеллектуалов: без представления о том, какой должна быть его аудитория, интеллектуал не может рассчитывать на импактность идей. Общественный резонанс определяет нишу для интеллектуалов (в отличие от отдельно взятых ученых-специалистов, которые говорят и пишут ради оценки вышестоящими рецензирующими инстанциями и с целью завоевания признания не у общества как такового, но в кругах себе подобных), а также от теоретиков заговора, лжепророков и т. п. Робин видит в общественных интеллектуалах сочетание мыслителей и людей искусства, способных создать аудиторию, которой еще не существует, а уже затем воодушевить эту аудиторию, направить к действию (Robin, 2016a; Электронный ресурс).

К ДЕЙСТВИЮ

В послевоенной Америке раздавались многие голоса, призывавшие людей к решительным действиям. Позаимствовав критерии из теории Робина, а также не забывая о Грамши, можно попробовать увидеть, чего эти голоса стоили с позиции общественного интеллектуализма. Будем исходить из того, что общественный интеллектуал должен иметь глубокие знания об обществе, в котором живет, должен обладать значительными коммуникативными способностями, реализуемыми в той или иной форме, должен быть готов выражать критику окружающего мира и должен, посредством коммуникативных усилий, создавать восприимчивую и способную к критической оценке идей аудиторию. Отсутствие какого-либо из этих критериев предполагает, что следует вести речь не об общественном интеллектуале, а о фигуре какого-то иного порядка.

В период после Первой мировой войны в мире царили депрессия и ультранационалистическая политика. Вторая мировая война и атомная бомба коренным образом изменили представления об этике, экономике, обществе и государственности. Америка оставалась единственной страной, относительно мало затронутой физическими последствиями войны. В послевоенный период зарождается иная, новая интеллектуальная культура, которая реагировала не только на глобальный катаклизм войны, но и на положение Америки как мировой державы. Существует ряд концепций историков о том, как интеллектуалы в Америке понимали свою роль в обществе, как рос авторитет послевоенного интеллектуального сообщества и с какой реакцией со стороны «старых» интеллектуалов новые интеллектуалы столкнулись в этот период. Как Брэдли вписался в интеллектуальный раскол «старых» и «новых»?

Историография начала холодной войны в первую очередь предлагает две конкурирующие концепции послевоенного американского общества. Первая — концепция победоносной и процветающей американской империи. Историк Дж. Марсден излагает суть этой концепции во введении к исследованию, носящему название «Сумерки американского Просвещения: 1950-е годы и кризис либеральных убеждений» (2014): «Многие американцы считают 1950-е годы временем, когда американская культура обрела свои права. Некоторые из нас помнят, почему. Мы выиграли войну, мы стали свидетелями беспрецедентного процветания, нас окружали видимые признаки про-

гресса. <...> Во многих отношениях середина XX века была временем великого оптимизма. Американцам постоянно напоминали, что их страна — лучшая на земле. Они слышали каждый день, что их счастье и благосостояние будут только увеличиваться, особенно если они обзаведутся новинками промышленности. <...> Почти все помнили либо слышали о том, каково было терпеть тяготы Депрессии, кто-то помнил, а кто-то мог представить себе те чувства, которые испытали достигшие совершеннолетия, отправляясь на невероятно мрачную мировую войну в 1943 г.» (Marsden, 2014: ix–x). Культурные реалии, которые самое старшее из живущих сегодня американских поколений ностальгически ассоциирует с тем периодом — школьные вечеринки с танцами без туфель (sock hops), комедийный сериал «Я люблю Люси», наступление эры рок-н-ролла. В них — важная доля правды о периоде, правды об Америке того времени в ее идеализированной версии. Если оптимистический взгляд на послевоенную Америку можно было бы охарактеризовать в качестве «периода великих ожиданий» (именно так озаглавил свою книгу по истории послевоенной Америки Джеймс Т. Паттерсон), то противоположный взгляд на американское общество того же периода можно было бы охарактеризовать как «поруганная наивность». Консюмеризм, оптимизм и эгалитаризм того времени бледнели перед грядущим «измом», лик которого был ужасен. Исследователь в области интеллектуальной истории Стивен Дж. Уитфилд подчеркивал: «В ту эпоху по Америке бродил призрак — призрак коммунизма. Изгнать его пытались законодатели и судьи, должностные лица и боссы киностудий, полицейские и генералы, ректоры университетов и руководители компаний, священнослужители и журналисты, республиканцы и демократы, консерваторы и либералы. Коммунизм считался еще бóльшим злом, чем организованная преступность. Он обострял страхи, он искажал лик американской культуры, ослабляя ее в период с конца 1940-х до конца 1950-х годов» (Whitfield, 1996: 1–2).

Эта формулировка представляется ностальгической в той же мере, что и предыдущая; она лишь более пессимистична. Были ли США победителями, пожинаящими заслуженные плоды победы, или испуганной, утратившей здравый смысл, страной, борющейся с идеологическими призраками? Возможно, в послевоенные годы Америка была и тем, и другим. Америка находилась в фазе роста и перехода. События мирового масштаба дали американцам понять, что изоляционизм прошлого несостоятелен. Напрашивался пересмотр собственных ценностей, в частности Билля о правах. Необходимо было учиться взаимодействовать с внешним миром по-иному. Пытаясь разобраться в фундаментальных проблемах настоящего, мыслящие американцы начали разделяться на «лагеря». Одни искали единомышленников по признаку партийных симпатий, другие собирались вместе, создавая новые философские направления-школы, третьи объединялись на основе экспертных знаний в определенных областях. Но у каждой из групп были собственные устремления и планы. Цель их состояла в понимании мировых проблем и поиске путей их преодоления. Группы, по сути, формировали гегемонистские блоки, описанные у Грамши и Лирса.

Интеллектуалы, в свою очередь, выступали в качестве ведущих мыслителей, представителей и критических интерпретаторов происходящего. Интеллектуалы стремились донести до широких масс суть проблем, как и мотивы действий по их преодолению. Говоря словами известного специалиста в области интеллектуальной истории Г. Брика, интеллектуалами были «индивиды, известные за научный, творческий, теоретический либо критический труд, который находил отклик у образованной аудитории, неравнодушной к ключевым проблемам своего времени» (Brick, 2000: 391). Вид-

ный историк консервативного интеллектуализма Дж. Нэш считает, что труд этот не ограничивался написанием статей и книг либо созданием театральных постановок и фильмов, но был чем-то большим в том, что сопутствовал формированию интеллектуального движения; целью этого труда было не только понять мир, но и изменить его (Nash, 2006: xvii).

К чему же тогда стремились интеллектуалы, принимавшие участие в движениях? Несомненно, имели место попытки системного решения видимых проблем. Консервативные мыслители пытались перестроить правовую основу гражданской жизни и определить идеологические и иные ценности со своих позиций, предотвращая при этом такие эксцессы, как нацизм и фашизм. По мнению Нэша, стремление определить значимое количество идеологических ценностей является важнейшей составляющей консервативного движения. Нэш не считает возможным либо нужным поиск определения консерватизма, говоря лишь о стремлении к самоопределению как самом заметном мотиве консерваторов со времен окончания Второй мировой войны: «... в 1945 г. в Соединенных Штатах не существовало четко сформулированной, скоординированной, сознающей себя консервативной интеллектуальной силы. В большинстве случаев раздавались голоса протеста, глубоко пессимистичные в отношении будущего страны» (там же: xix–xx).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В перспективе исследования предстоит ответить на многие вопросы, и среди них вопрос о тактике противостояния Брэдбери в 1950-е годы консерватизму, либерализму, радикализму, как и многим другим направлениям общественной мысли, посредством создания тезауруса независимого мышления, принявшего форму креативной иллюстрации в первых концептуальных сборниках новелл писателя «Темный карнавал» и «Человек в картинках».

ПРИМЕЧАНИЕ

URL: <https://s-usih.org/conference/2011-s-usih-conference/program-fourth-annual-us-intellectual/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грамши, А. (1991) Тюремные тетради : в 3 ч. / пер. Г. П. Смирнова, В. А. Дмитренко, П. А. Козлова. М. : Политиздат. Ч. 1. 560 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.
- Пальцев, Н. М. (2004) Рэй Брэдбери (послесловие) // Брэдбери, Р. Марсианские хроники. СПб. : Азбука. С. 269–275.
- Серенков, Ю. С. (1996) Особенности жанрового мышления Рэя Брэдбери : автореф. ... канд. филол. наук. М. 19 с.
- About Ray Bradbury (2000) [Электронный ресурс] // Ray Bradbury. URL: http://www.ray-bradbury.com/awards_acceptance.html (дата обращения: 31.03.2019).
- Brick, H. (2000) Age of Contradiction: American Thought and Culture in the 1960s. 1st print., Cornell Paperbacks. Ithaca, N. Y. : Cornell Univ. Press. 272 p.
- Gramsci, A. (1971) The Intellectuals // Selections from the Prison Notebooks. N. Y. : International Publishers. P. 131–161.
- Haslam, J., Faflak, J. (2013), eds. The Public Intellectual and the Culture of Hope. Toronto ; Buffalo : University of Toronto Press. 304 p.
- Hofstadter, R. (1963) Anti-Intellectualism in American Life. N. Y. : Vintage Books. 434 p.

Hollinger, D., Capper, C. (2011), eds. *The American Intellectual Tradition*. 6th ed. Vol. 2. N. Y. : Oxford University Press. 577 p.

Jacoby, R. (1987) *The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*. N. Y. : Basic Books. 289 p.

Lears, T. J. J. (1985) *The Concept of Cultural Hegemony: Problems and Possibilities* // *The American Historical Review*. Vol. 90. № 3. P. 565–585.

Luey, B. (1999) 'Leading the Public Gently': Popular Science Books in the 1950s // *Book History*. Vol. 2. № 1. P. 205–223.

Marsden, G. (2014) *The Twilight of the American Enlightenment: The 1950s and the Crisis of Liberal Belief*. N. Y. : Basic Books. 264 p.

Nash, G. (2006) *The Conservative Intellectual Movement in America Since 1945*. 30th Anniversary Ed. Wilmington, DE : ISI Books. 490 p.

Robin, C. (2015) *On Public Intellectuals* [Электронный ресурс] // CoreyRobin.com, January 26. URL: <http://coreyrobin.com/2015/01/26/on-public-intellectuals/> (дата обращения: 31.03.2019).

Robin, C. (2016a) *From the Talmud to Judith Butler* [Электронный ресурс] // *Out of the Crooked Timber of Humanity* no straight thing was ever made, July 2. URL: <http://crookedtimber.org/2016/07/02/on-public-intellectuals-from-the-talmud-to-judith-butler/> (дата обращения: 31.03.2019).

Robin, C. (2016b) *How Intellectuals Create a Public* [Электронный ресурс] // *The Chronicle of Higher Education*, January 22. URL: <http://chronicle.com/article/How-Intellectuals-Create-a-234984/> (дата обращения: 31.03.2019).

Taormina, A. (2005) *Review of Eller and Touponce's "Ray Bradbury: The Life of Fiction"* // *Utopian Studies*. Vol. 16. № 3. P. 475–478.

Whitfield, S. (1996) *The Culture of the Cold War*. 2nd ed. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 288 p.

Дата поступления: 10.04.2019 г.

WRITER'S CREATIVE PERSONALITY
AND THE DYNAMICS OF INTELLECTUAL CULTURE
YU. S. SERENKOV
SIBERIAN STATE INDUSTRIAL UNIVERSITY

The criteria identified in the papers of the analysts and creators of the construct "intellectual" in modern sociology and the history of American culture (R. Hofstadter, G. Nash and others) are either unstructured or of elitist nature. Nevertheless, the comprehension of the preliminary works by the modern political scientist C. Robin, along with the ideas obtained from the "Prison Notebooks" by A. Gramsci, allow for a viable model of the social intellectual. This model is not only applied to scientists, artists and big literature creators, but also to writers of the formula-genre orientation. We are moving towards the culturological perception of the life and oeuvre of the American writer R. Bradbury and beginning to create an argumentative basis for the research into the writer's creative personality as a factor of the dynamics of intellectual culture.

The paper is based on the author's report at the All-Russian (national) scientific conference "Third Academic Readings in Memory of Vladimir Andreyevich Lukov "Thesauri and Issues of Culture", which was held at Moscow University for the Humanities on 4th April, 2019.

Keywords: intellectual culture; intellectual; independent thinking; creative personality; formulary literature; sociology of literature; Ray Bradbury

REFERENCES

Gramsci, A. (1991) *Tiuremnye tetradi* : in 3 parts / transl. by G. P. Smirnova, V. A. Dmitrenko and P. A. Kozlova. Moscow, Politizdat. Part 1. 560 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira*. Moscow, Izd-vo Nats. in-ta biznesa. 640 p. (In Russ.).

- Pal'tsev, N. M. (2004) *Rei Bredberi (posleslovie)*. In: Bredberi, R. *Marsianskie kbroniki*. St. Petersburg, Azbuka. Pp. 269–275. (In Russ.).
- Serenkov, Iu. S. (1996) *Osobennosti zhanrovogo myshleniia Reia Bredberi* : Thesis of Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. 19 p. (In Russ.).
- About *Ray Bradbury* (2000). Ray Bradbury [online] Available at: http://www.raybradbury.com/awards_acceptance.html (access date: 31.03.2019).
- Brick, H. (2000) *Age of Contradiction: American Thought and Culture in the 1960s*. 1st print., Cornell Paperbacks. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 272 p.
- Gramsci, A. (1971) The Intellectuals. In: Selections from the Prison Notebooks. N. Y. : International Publishers. Pp. 131–161.
- Haslam, J. and Faflak, J. (2013), eds. *The Public Intellectual and the Culture of Hope*. Toronto ; Buffalo, University of Toronto Press. 304 p.
- Hofstadter, R. (1963) *Anti-Intellectualism in American Life*. N. Y., Vintage Books. 434 p.
- Hollinger, D. and Capper, C. (2011), eds. *The American Intellectual Tradition*. 6th ed. Vol. 2. N. Y., Oxford University Press. 577 p.
- Jacoby, R. (1987) *The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*. N. Y., Basic Books. 289 p.
- Lears, T. J. J. (1985) The Concept of Cultural Hegemony: Problems and Possibilities. *The American Historical Review*, vol. 90, no. 3, pp. 565–585.
- Luey, B. (1999) 'Leading the Public Gently': Popular Science Books in the 1950s. *Book History*, vol. 2, no. 1, pp. 205–223.
- Marsden, G. (2014) *The Twilight of the American Enlightenment: The 1950s and the Crisis of Liberal Belief*. N. Y., Basic Books. 264 p.
- Nash, G. (2006) *The Conservative Intellectual Movement in America Since 1945. 30th Anniversary Ed.* Wilmington, DE : ISI Books. 490 p.
- Robin, C. (2015) On Public Intellectuals. *CoreyRobin.com*, January 26 [online] Available at: <http://coreyrobin.com/2015/01/26/on-public-intellectuals/> (access date: 31.03.2019).
- Robin, C. (2016a) From the Talmud to Judith Butler. *Out of the Crooked Timber of Humanity no straight thing was ever made*, July 2 [online] Available at: <http://crookedtimber.org/2016/07/02/on-public-intellectuals-from-the-talmud-to-judith-butler/> (access date: 31.03.2019).
- Robin, C. (2016b) How Intellectuals Create a Public. *The Chronicle of Higher Education*, January 22 [online] Available at: <http://chronicle.com/article/How-Intellectuals-Crete-a/234984/> (access date: 31.03.2019).
- Taormina, A (2005) Review of Eller and Touponce's "Ray Bradbury: The Life of Fiction". *Utopian Studies*, vol. 16, no. 3, pp. 475–478.
- Whitfield, S. (1996) *The Culture of the Cold War*. 2nd ed. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 288 p.

Submission date: 10.04.2019.

Серенков Юрий Сергеевич — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сибирского государственного индустриального университета. Адрес: 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, д. 42. Тел.: +7 (3843) 77-79-79. Эл. адрес: juriyy-serenkov@rambler.ru

Serenkov Yuriy Sergeevich, Do00000ctor of Culturology, Associate Professor, Professor, Department of Social Science and Humanities, Siberian State Industrial University. Postal address: 42, Kirova St., Novokuznetsk, Russian Federation, 654007. Tel.: +7 (3843) 77-79-79. E-mail: juriyy-serenkov@rambler.ru